

Экзистенциальная социология Дж.Джонсона

Аннотация

В статье содержится общая характеристика экзистенциальной социологии современного американского социолога, представителя Калифорнийской школы Дж.Джонсона. Среди особенностей его научного творчества выделяется проблематика эмоционального опыта (методологический сенсуализм), воплощенная в изучении соотношения чувств и мышления в процессе полевого исследования и в интегративной концепции эмоциональных генерализаций, построенной на основании оригинальных понятий эмоциональной социализации, эмоциональных карьер, эмоциональной чувствительности и захвата. Показано, что экзистенциальная социология Дж.Джонсона носит преимущественно эмпирический характер и развивает базовые положения Калифорнийской школы применительно к прикладным проблемам коррупции, пропаганды, домашнего насилия, справедливости, смертной казни. Раскрывается определение Дж.Джонсоном специфики экзистенциальной социологии и отмечается его вклад в развитие методологии и методов качественного исследования.

Ключевые слова: *Джон М.Джонсон, экзистенциальная социология, Калифорнийская школа, эмоциональные генерализации, ситуационная трансценденция, индуктивизм*

Многомерность современной социальной жизни создает предельно сложные условия для построения устойчивых теоретико-методологических ориентиров социологической науки. Невозможность однозначной характеристики меняющейся социальной реальности и трудности в определении состояния самой социологии выражаются в острых спорах и дебатах в научных кругах. Но, несмотря на существующие трудности, можно говорить о текущих проявлениях целого ряда тенденций, которые позволяют выдвигать ар-

гументы в пользу экзистенциального поворота в современной социологии. К таким тенденциям следует отнести смещение исследовательских акцентов по шкалам от абстрактного к конкретному и от номотетического к идеографическому, онтологизацию социологической теории, развитие качественных методологий, повышение интереса к проблематике повседневности, субъективности, телесности и ситуационности. Развитие экзистенциальной парадигмы в социологической науке может иметь различные траектории, однако важным и актуальным является укрепление историко-социологических оснований этого процесса через общетеоретическую интеграцию уже существующих концепций экзистенциальной социологии. Одна из таких оригинальных концепций была предложена современным американским социологом, представителем Калифорнийской школы Дж.Джонсоном.

История экзистенциальной социологии как область исследований на сегодняшний день находится лишь на начальной стадии формирования и фрагментарно отражена преимущественно в работах самих представителей этого направления (Э.Тирикьян, Дж.Дуглас, Дж.Котарба, А.Фонтана, М.Болль де Баль, Дж.Хейм, П.Меннинг). Несмотря на некоторые попытки изучения деятельности Калифорнийской школы экзистенциальной социологии (Д.Алиева, В.Кисиль, К.Райда), научное творчество Дж.Джонсона как отдельного представителя этой школы еще не было предметом специального исследования. Исходя из этого, целью данной статьи, продолжающей серию публикаций по истории Калифорнийской школы [Мельников, 2011; Melnikov, forthcoming], является раскрытие общих характеристик экзистенциальной социологии Дж.Джонсона. В более широкой перспективе указанная цель связана с необходимостью углубленного анализа идей представителей Калифорнийской школы и их последующего включения в структуру истории социологической науки. Эти усилия, в свою очередь, могут внести определенный вклад в интеграцию экзистенциальной социологии как новой парадигмы социологического теоретизирования.

Историко-социологическое рассмотрение любой научной концепции предполагает учет биографических характеристик и интеллектуального пути ее автора. Американский социолог Джон Мёртон Джонсон родился в 1941 году в городе Форт-Уэйн (Индиана, США) в семье потомственных фермеров, исповедовавших религию квакеров. После окончания школы в 1959 году он поступил в Университет Индианы (Блумингтон), где впервые познакомился с работами экзистенциальных мыслителей. Под влиянием близкой к экзистенциализму субкультуры битников, особенно идей Дж.Керуака, Джонсон на год покинул университет, путешествуя автостопом по Соединенным Штатам и Мексике. В период обучения в университете познакомился с идеями А.Коена, а благодаря Ш.Страйкеру и А.Линдесмиту открыл для себя теорию символического интеракционизма. Помимо академического обучения Джонсон также приобщился к непопулярному в то время среди студентов политическому активизму, отстаивал либеральные идеи гражданских свобод и в дальнейшем всегда придерживался этой позиции. Окончив университет в 1963-м, он до 1967 года служил офицером морских сил США, участвовал во Вьетнамской войне и после службы поступил в магистратуру Университета Сан-Диего, где испытал влияние называвшего себя “феноменологическим марксистом” харизматичного Н.Муратидиса, с которым трижды прошел курс по работе Т.Парсонса “Структура соци-

ального действия” (1937). Помимо волонтаристской теории действия Джонсон также детально изучил работу Э.Тирикьяна “Социологизм и экзистенциализм” (1962), которая в некоторой степени задала направление его будущих исследовательских интересов. Во время обучения в магистратуре он познакомился с основателем и лидером Калифорнийской школы Дж.Дугласом, стал его ассистентом и аспирантом на возглавляемой Дж.Гусфилдом новой кафедре социологии Университета Калифорнии (Сан-Диего), где также преподавали А.Сикурел, С.Лаймен, Р.Коллинз. Позже Джонсон работал ассистентом Сикурела, после чего стал ассистентом А.Гоулднера, незадолго до этого опубликовавшего свою знаменитую работу “Грядущий кризис западной социологии” (1970). Приблизительно в этот период Джонсон познакомился с А.Фонтаной, Д.Алтейди, Н.Дензином, Петти и Питером Адлерами, Дж.Котарбой и последним аспирантом Г.Блумера Л.Атенсом, с которыми его связали долгие дружеские отношения¹.

В 1972 году Дж.Джонсон перешел на кафедру социологии Аризонского университета, в котором проработал до своей отставки в 2012 году. На протяжении профессиональной карьеры он опубликовал несколько книг, более 100 статей и два десятилетия был редактором серии монографий “Социологические наблюдения” издательства “Сэйдж”. В 1988–1989 годах он занимал пост президента Общества символического интеракционизма и в 2002 году получил Премию Дж.Г.Мида за выдающийся вклад в развитие этого исследовательского направления. В 1993-м Джонсон выступал с лекциями в университетах Парижа и Амстердама, дважды (в 2007-м и 2008-м) посещал Украину, где читал лекции в Восточнoукраинском национальном университете (г. Луганск) и принимал участие в Харьковских социологических чтениях, представив доклад на пленарном заседании. С визитом в Украину связана серия его теоретических исследований и публикаций [Johnson, Melnikov, 2008; 2009; Джонсон, Мельников, 2009; Johnson, 2009; Джонсон, Мельников, 2013].

Лидер Калифорнийской школы Джек Дуглас ориентировал своих учеников прежде всего на качественные эмпирические исследования повседневной социальной жизни, поэтому одним из первых проектов Дж.Джонсона стало полевое исследование Службы защиты детей в Лос-Анджелесе и Сан-Диего, проведенное в 1969–1972 годах. Методологически исследование было построено на позиции Дугласа, которая опиралась на такие известные работы, как “Общество на углу улицы” (1943) У.Уайта и “Человек, который управляет” (1959) М.Дальтона. Эта позиция предполагала не только изучение предмета, но и попытку отобразить сам исследовательский процесс во всех его подробностях, включая эмоции и глубинные переживания исследователя. Как иронично замечал Джонсон, такое стремление Дугласа к истине заставило его фиксировать в полевых отчетах даже те факты собственной жизни, о которых многие предпочитали бы не знать. Данный аспект нашел отражение в диссертации Джонсона на тему “Социальное конструирование официальной информации” (1973) и в его первой книге “Проводя полевое исследование” [Johnson, 1975], оказавшей влияние на так называемый “рефлексивный поворот” в социологической этнографии. В этой

¹ Биография и личная жизнь Дж.Джонсона подробнее отражена в его автобиографических и автоэтнографических публикациях [Johnson, 2008; 2010; 2012; 2014a; 2014b].

книге Джонсон обращает внимание на характерный для американской социологии 1950–1970-х годов кризис классического веберовского понимания объективности, способствовавший развитию качественных методов исследования. Критическая оценка классической методологии показала, что исследователь не является отстраненным наблюдателем, но включен в ситуацию и во многом воздействует на получаемые научные данные. Так, например, Г. Ганс на основании собственного опыта полевых исследований отмечал [Gans, 1968], что социолог иногда должен быть нечестным, чтобы добыть “честную” информацию, а Р. Вакс признавалась [Wax, 1972] в своем влиянии на получение именно тех ответов на вопросы исследования, которые были ей необходимы.

При любых попытках строгого построения и описания методологических процедур полевого исследования здравый смысл и естественная установка социолога остаются важными факторами выбора и интерпретации изучаемого предмета. По своей природе социальная реальность не является полностью объективной и существует только как субъективно значимый и лишь частично вербализированный и рационализированный опыт. Поэтому лучшей формой изучения этого опыта является прямое участие в соответствующих жизненных событиях, построенное на взаимопонимании и доверии, что позволяет раскрывать глубинные ситуационные смыслы и максимально сохранять естественную целостность социальных феноменов. Характерной чертой экзистенциальной альтернативы в понимании социологической объективности стало осмысление человека как субъекта, способного выбирать или конструировать смыслы и действия, а также осознавать ответственность за сделанный выбор. Отсюда — главным интересом исследователя выступают способы построения смыслов в конкретных ситуациях с учетом факторов среды в широком смысле и нормативных социокультурных ограничений.

Значимое концептуальное построение экзистенциальной социологии Джонсона возникло в связи с фокусировкой на проблеме соотношения или слияния чувств и мышления в процессе полевого исследования [Johnson, 1977a; Whiteman, Muller, Johnson, 2009]. С его точки зрения традиционная социологическая методология рассматривает чувства исследователя как нечто недопустимое в качестве профессиональных свойств¹. Таким образом, чувственный опыт социолога остается за пределами исследовательских отчетов, а также скрывается за “рациональными фронтами”. Относительной гранью, которая определяет влияние чувств социолога на объективность полученных результатов, является трансформация эмпатической установки в симпатическую, предполагающую полное принятие перспективы членов изучаемой социальной группы. Вместе с тем в ходе эмпирических исследований Джонсон обнаружил, что само понятие коллективной или групповой перспективы является проблематичным и скорее второстепенным по отношению к сложному переплетению многообразных индивидуальных смыслов. Сложность изучаемой социальной ситуации дополняется проблемой избирательности восприятия исследователя, который опреде-

¹ Одним из редких исключений из этого правила Джонсон считает подход американского социолога К. Вольфа и его экзистенциальную теорию [Wolff, 1964].

ляет происходящие события с точки зрения их релевантности определенным предзаданным категориям, носящим характер естественной установки.

Рассматривая проблему соотношения рациональных и чувственных элементов опыта, Джонсон отмечает такой ее важный аспект, как несоответствие внешнего “фронта” и внутренних переживаний. Такое несоответствие необязательно является результатом сознательного намерения индивида скрыть свои чувства, но может быть также следствием его неспособности рационально выразить многие особенности чувственного опыта. Приводя в пример двойственное отношение М.Вебера к процессу рационализации современных обществ, отраженное в его противопоставлении понятий “железной клетки” (рациональность) и “магического сада” (сентиментальность), Джонсон указывает на слабую сторону в теории немецкого классика, связанную с его неспособностью раскрыть то ключевое свойство рациональности, которое заключается в представлении себя приемлемым для других. Предметом же экзистенциальной социологии является не столько внешний фронт, принимаемый социологической традицией в качестве социальной реальности, а тот глубинный чувственный уровень, который составляет основу человеческого существования. Эта тема двойственности социальной реальности получила развитие в изучении Джонсоном проблематики девиации и так называемой “бюрократической пропаганды”. Целый ряд его работ был посвящен анализу процесса составления официальных отчетов в различных частных и государственных структурах, включая армию [Johnson, 1972; Crime at the Top, 1978; Official Deviance, 1979; Johnson, 1980a; 1980b; 2008]. В результате он подтвердил выводы Дугласа о существенном несоответствии публично-официального и частного уровней социальной реальности, что отражается в таких формах девиации, как искажение данных для официальных документов, кража государственного имущества, злоупотребление служебным положением, коррупция, имитация деятельности и т.д.

Отмечая, что “смысл” является ключевой категорией экзистенциальной социологии, Джонсон предложил понятие “ситуационной трансценденции” (*occasioned transcendence*) [Johnson, 1977b]. По его мнению, в социологической традиции, в частности в структурном функционализме, сформировалась трансцендентальная теория социальных смыслов, согласно которой базовые социетально разделяемые смыслы (ценности, нормы и т.д.) являются внешними, относительно устойчивыми, непроблематичными и находятся за пределами прямого чувственного опыта индивидов. Противоположностью трансцендентной теории выступает, например, этнометодологическая перспектива, согласно которой социальные смыслы являются ситуационными или индексальными и, таким образом, можно говорить о ситуационной теории социальных смыслов, исключающей трансцендентную (трансситуационную) теорию структурного функционализма. Опираясь на данные своего эмпирического исследования социальных служб, Джонсон предложил третий подход “ситуационной трансценденции”, указывающий, что все изученные им события были в той или иной степени ситуационными и не были предопределены заранее, но в то же время обладали и трансцендентными, то есть трансситуационными характеристиками. Исследование показало, что смысловая интерпретация ситуации социальными акторами зачастую является проблематичной и конфликтной, а также одновременно включает в себя чувственные и когнитивные элементы, практические и

ценностные аспекты, где рационализация, как правило, возникает после актуального опыта.

Один из исследовательских интересов Джонсона направлен на проблему соотношения экзистенциальной социологии с такими направлениями, как символический интеракционизм, этнометодология, феноменологическая социология, обоснованная теория и драматургическая социология [Melnikov, Johnson 2012; Джонсон, Мельников, 2013]. Он объясняет общность этих направлений через совпадение или близость многих ключевых категорий и идей (ситуация, смысл, субъект, интерпретация и т.д.), а также через то, что эти направления представляют собой скорее мировоззренческие установки или способы мироощущения, чем строгие теоретические системы. Кроме этого, объединяющим элементом в этом случае является микросоциологическая, прагматистская и конструкционистская методология, которая подчеркивает важность проблематики действия, выбора и повседневной социальной жизни. Отдельную работу Джонсон специально посвятил соотношению этнометодологии и экзистенциальной социологии [Johnson, 1977c]. Анализируя попытки этнометодологии с критических позиций выдвинуть альтернативную парадигму социальных наук, он, как и Дж.Дуглас, подчеркивает, что на самом деле теоретические установки этнометодологии не слишком отличаются от соответствующих установок традиционной позитивистской социологии, поскольку они опираются на категории здравого смысла исследователя. Это сходство особенно заметно при рассмотрении эмпирических исследований этнометодологов, в которых их радикальная теоретическая риторика зачастую теряет свою силу. Таким образом, ключевое отличие экзистенциальной социологии от этнометодологии заключается в концентрации последней на предзаданной индексальной методологии и игнорировании более глубоких проблем, связанных с интерпретацией конкретной реальности в ее собственных терминах. Экзистенциальная социология фокусируется на целостности человеческого опыта во всем многообразии его индексальных форм, хотя при этом и не отрицается возможная значимость когнитивных аспектов переживания социальной реальности, которую можно выявить при условии соблюдения принципа первичности опыта по отношению к его интерпретации.

Говоря об общем влиянии экзистенциализма на социальные науки, Джонсон отмечает несколько основных проблем, которые составляют парадигмальную специфику экзистенциальной социологии. К этим взаимосвязанным проблемам относятся поиск и создание индивидом смыслов, аутентичность, отчуждение и абсурд, чувства и эмоции, свобода, выбор и ответственность. Наибольшее внимание в своих работах он уделил проблеме эмоций, рассмотрев ее в связи с такими аспектами, как домашнее насилие [Johnson, Ferraro, 1984], смертная казнь [Gerber, Johnson, 2007], справедливость и правосудие [Johnson, 1995]. На теоретическом уровне эмпирическое изучение эмоций отразилось в его интегративной концепции эмоциональных генерализаций, созданной совместно с супругой Б.Катбертсон [Cuthbertson, Johnson, 1992; Cuthbertson-Johnson, Johnson, 1995].

Опираясь на пионерские исследования Ж.-П.Сартра [Sartre, 1948], а также на работы Н.Дензина [Denzin, 1984; 1985; 1987] и А.Хохшильд [Hochschild, 1983], Катбертсон и Джонсон отмечают, что эмоциональные смыслы являются более фундаментальными по сравнению с символическими смыс-

лами социальной реальности. Эмоциональные смыслы характеризуются определенной степенью “эмоциональной чувствительности”, формирующейся с ранних лет жизни индивида и отражающей обобщенные определения ситуации, которые связаны с соответствующими поведенческими реакциями, лингвистическими паттернами и нейрофизиологическими процессами. Например, страх отражает обобщенное определение уязвимости перед лицом возможной угрозы. В долгосрочной перспективе различные эмоциональные генерализации переплетаются между собой в сложные комбинации и переходят на бессознательный уровень. В контексте телесного опыта эмоциональная чувствительность вызывает осознание значимости определенных явлений и формирует типичный ответ на сложившуюся ситуацию. Эмоциональная чувствительность может принимать острую форму, для которой характерна высокая интенсивность, низкая способность контроля эмоции и фактически полный автоматизм реакции. Реактивность, нерелфлексированность и неконтролируемость выражаются в феномене эмоционального “захвата” (*capture*), сопровождающего острую эмоциональную чувствительность. Эмоциональный “захват” может также возникать в виде фокусировки на стратегиях управления эмоциями или в форме объективаций, при которых сам опыт острой чувствительности становится источником “захвата”. Объективации, в свою очередь, отражаются в метагенерализациях, обобщающих весь спектр эмоционального опыта индивида на уровне жизни в целом.

Катбертсон и Джонсон определяют эмоции как комплексный феномен, посредством которого формируются и функционируют (дисфункционалируют) индивидуальные и социальные смыслы. Эмоции представляют собой “абстракцию опыта, систему ориентации, наделяющую индивида автоматическими (*taken-for-granted*), реактивными способами познания и взаимодействия с природной и социальной средой” [Cuthbertson-Johnson, Johnson, 1995: с. 165]. Эмоции также проявляются в виде социоземональной оценки происходящих событий и, учитывая процессуальный характер реальности, формируются как “эмоциональные карьеры”, которые рутинизируют способы оценки собственных эмоций и эмоций других индивидов. Не менее важна валентность эмоционально-лингвистического фокуса личности, выраженная в различных сочетаниях самооценки и оценки другого (позитивное Я / позитивный другой, позитивное Я / негативный другой, негативное Я / позитивный другой и негативное Я / негативный другой), а также общая валентность эмоции (позитивная, негативная, смешанная). По типу эмоции можно разделить на индикативные (страх, гнев, отчаяние, печаль, счастье, радость, удовлетворение и т.п.), разделяющие (одинокчество) и объединяющие (любовь, доверие), оценочно-статусные (гордость, стыд, позор, вина, ревность, зависть, ресентимент и др.). Для каждой эмоции характерна определенная степень интенсивности, масштаба и реактивности. Вместе с тем эмоциональные генерализации могут включать в себя сочетание противоречивых эмоций, вызывающих состояние амбивалентности или неопределенности. В социальном отношении сложную структуру эмоционального опыта можно рассматривать как на уровне индивида или малой группы, так и в контексте крупных общностей и общества в целом.

Значимыми аспектами в осмыслении эмоций являются поведение и социокультурный контекст. В изучении соотношения эмоций и поведения необходимым становится выявление поведенческих паттернов (вмешатель-

ство, деструкция, отказ, конфронтация, забота и др.) и стратегий управления поведением под воздействием эмоций, включая “фронтальную работу” и эмоциональную нечестность. Эмоции имеют взаимосвязь с социокультурным контекстом и такими его разнообразными составляющими, как исторический период и события, социокультурная специфика группы, ритуалы, институты, семейные и межличностные отношения, ценности, идентичность. В процессе эмоциональной социализации возникают простейшие дедуктивные генерализации, которые ложатся в основу последующего эмоционального опыта индивида.

Опираясь на данные собственного эмпирического исследования, полученные с помощью интервьюирования 500 мужчин, выступавших субъектами физического насилия и испытывавших чувство гнева, Джонсон указывает на проблему чрезвычайной сложности и многообразия эмоционального опыта. Так, опыт гнева и близких к нему эмоций (ярость, негодование, враждебность) возникал у респондентов в связи с огромным количеством самых разнообразных объектов и событий. При этом нельзя сказать, что гнев абсолютно не подвергается анализу или категоризации. Например, общим фактором гнева выступает угроза чему-либо дорогому для индивида. Скорее речь идет о том, что ключевые характеристики гнева, как, вероятно, и других эмоций, детерминированы не столько многообразными внешними объектами и событиями, сколько внутренним эмоциональным Я, которое организует и определяет эмоциональный опыт личности посредством эмоциональных генерализаций и метагенерализаций.

В 2002 году Дж.Джонсон совместно с Дж.Котарбой стали редакторами коллективной монографии “Постмодернистская экзистенциальная социология” [Postmodern existential sociology, 2002], которая продолжила развивать проект экзистенциальной социологии Калифорнийской школы, представленный в двух предыдущих программных работах — “Экзистенциальная социология” (1977) и “Экзистенциальное Я в обществе” (1984). По замыслу авторов, книга была нацелена на пересмотр экзистенциальной социологии с учетом последних социальных тенденций и изменений в самой социологической науке. Однако, как и в случае с предыдущими двумя книгами, эта новая монография скорее представляла собой коллекцию отчетов качественных эмпирических исследований, чем теоретическую или парадигмальную концептуализацию, и данный факт говорит о концептуальной слабости логической структуры экзистенциальной социологии Калифорнийской школы, вызванной чрезмерной приверженностью принципу преобладания социального (существование) над социологическим (сущность). Так, результаты эмпирического исследования Джонсона, опубликованные в данной монографии и посвященные феномену преследования [Johnson, 2002; Джонсон, 2008], не содержат каких-либо теоретических связей не только с проблемами постмодернизма, но и с экзистенциальной социологией как таковой. Аналогичным образом можно охарактеризовать многие другие исследования Калифорнийской школы.

Описывая экзистенциализм как мироощущение и способ жизни, Джонсон и Котарба отмечают, что суть этого течения состоит в поиске ответов на конкретные практические вопросы человеческого существования. Постмодернистский экзистенциализм остается приверженным эмпирическому изучению переживаний конкретных индивидов в повседневной жизни, в свя-

зи с чем продолжает быть актуальной традиционная проблематика социального конструктивизма, субъективности, свободы действия, чувств и эмоций, объединенная вокруг принципа преобладания существования над сущностью. Постмодернистские изменения экзистенциальной социологии отражаются в двух основных аспектах. Первый из них связан с изменениями в обществе, где традиционная экзистенциальная проблема индивида, противостоящего нивелирующим силам массового социума, приобрела намного более сложные очертания благодаря развитию новых информационных технологий и повышению роли культурного фактора социальной жизни. Второй аспект заключается во влиянии постмодернизма на методы и методологию социологического исследования, что отразилось в синтезе научного метода с различными течениями в искусстве (литература, поэзия, театр, кино и т.д.), и это открыло для экзистенциальной социологии больше возможностей в изучении тончайших глубинных измерений социального существования, недоступных грубому сциентистскому анализу.

Многолетний опыт Джонсона в проведении полевых исследований отразился в его неизменном интересе к изучению различных аспектов качественной методологии и методов эмпирической социологии [Altheide, Johnson, 1994; 1997; Johnson, 2000; 2001; Johnson, Altheide, 2002]. Одним из его наиболее известных достижений в этой области стала разработка (совместно с Д.Алтейди) проблемы интерпретативной валидности качественного исследования [Altheide, Johnson, 1993; 1994b; 2011]. Алтейди и Джонсон подошли к проблеме валидности качественного исследования с позиции аналитического реализма, который, с их точки зрения, не противоречит экзистенциально-социологической перспективе и предполагает использование ряда принципов, к которым относятся признание существования внешнего реального мира, подчеркивание способности индивидов и групп создавать смыслы в этом мире и утверждение невозможности в исследовании полностью теоретически исчерпать все смыслы изучаемого объекта. Показывая многомерность современного междисциплинарного дискурса в отношении валидности (валидность-как-культура, валидность-как-идеология, валидность-как-язык/текст и т.д.), Алтейди и Джонсон предложили понятие валидности-как-рефлексивного-учета, которое отражает взаимосвязь исследователя, объекта, процесса создания смыслов, прагматичной составляющей исследования и аудитории. Иными словами, сам процесс исследования следует подвергать тщательному анализу, и он должен быть раскрыт в мельчайших подробностях, включая детальное определение данных (*evidence*) и процесса их получения. Таким образом, транспарентность процесса исследования, в которой укоренена проблема валидности, позволит аудитории самостоятельно и критически оценить полученные данные. С фактором транспарентности связана возможность отображения в процессе исследования глубинного экзистенциального знания, которое носит характер контекстуального, “само собой разумеющегося” и “молчаливого” понимания, конституирующего все иные смыслы ситуации. Такое знание-опыт всегда превосходит лингвистические и символические понятия, способные быть лишь частичным и фрагментарным отражением конкретного переживания.

Обобщая характеристику научного творчества Дж.Джонсона, можно сказать, что его подход основывается на некотором преобладании тематики эмоционального опыта индивида в социальных взаимодействиях (методо-

логический сенсуализм), что стало отличительной чертой и обусловило его вклад в деятельность Калифорнийской школы. С этой точки зрения исследования Джонсона можно назвать экзистенциальной социологией эмоций. Среди его оригинальных идей в области изучения эмоций выделяются проблема соотношения чувств и мышления (в частности, в процессе полевого исследования) и интегративная концепция эмоциональных генерализаций, которые представляют собой специфические функциональные обобщения эмоционального опыта и выступают основными элементами чувственно-эмоционального измерения личности. Иерархии эмоциональных генерализаций и метагенерализаций возникают в процессе эмоциональной социализации и построения различных эмоциональных карьер, а также характеризуются эмоциональной чувствительностью, переходящей в своих острых формах в эмоциональный “захват”, ограничивающий свободу действия и социальную проактивность индивида.

В своих многолетних исследованиях, в основном эмпирических, на фоне методологического сенсуализма Джонсон развивал такие базовые положения экзистенциальной социологии Дж.Дугласа, как ситуационизм/трансситуационизм, индуктивизм (направленность исследования от конкретного к абстрактному и от индивида к обществу), тотализм (стремление к воссозданию опыта в его целостности), принцип частичной неопределенности социальной реальности, дуализм публичной и частной сфер социального существования в массовом обществе. Джонсон применил эти положения в изучении широкого спектра социальных явлений и процессов, среди которых можно отметить коррупцию, пропаганду, домашнее насилие, справедливость, правосудие, смертную казнь. Совместно с Д.Алтейди он создал оригинальную концепцию “бюрократической пропаганды”, которая отразила проблему несоответствия публично-официального и частного уровней социальной реальности, а в более общей теоретической перспективе стала социологическим развитием экзистенциалистской проблематики аутентичности/неаутентичности и отчуждения.

Джонсон очертил проблемное поле философского экзистенциализма, которое легло в основу экзистенциальной социологии в виде проблем поиска и создания индивидом смыслов, аутентичности, отчуждения и абсурда, чувств и эмоций, свободы, выбора и ответственности. Синтез экзистенциальной философии и социологии воплотился в его теоретико-методологическом подходе ситуационной трансценденции, который направлен на преодоление крайностей субъективизма и объективизма посредством индуктивного (от индивида к обществу) рассмотрения ситуационных и трансситуационных факторов как неотъемлемых и взаимосвязанных элементов конкретного опыта индивида в повседневной социальной жизни.

На уровне общей теории Джонсон внес некоторый вклад в прояснение соотношения экзистенциальной социологии с такими подходами, как символический интеракционизм, этнометодология, обоснованная теория, феноменологическая и драматургическая социология. Он показал общие черты этих направлений, воплощенные в понятиях ситуации, смысла, субъекта, интерпретации, действия, выбора, повседневности, а также их мировоззренческий характер и акцент на микросоциологической, конструктивистской, прагматистской методологии. Вместе с тем специфика экзистенциальной социологии заключается в наибольшей концентрации на онтологической проблема-

тике (существование предшествует сущности) и изучении глубинных сенсорных измерений конкретного переживания социальной реальности.

С точки зрения методологии и методов эмпирической социологии Джонсон несомненно оказал влияние на развитие качественного, интерпретативного подхода. Его наиболее крупная работа “Проводя полевое исследование” (1975), а также разработка проблемы валидности качественного исследования стали воплощением так называемого рефлексивного поворота в социологической этнографии, который был связан с отображением самого исследовательского процесса, включая переживания, прагматичные и социокультурные установки социолога. Среди конкретных методов исследования Джонсон применял и развивал включенное наблюдение, социологическую этнографию, автоэтнографию и глубинное интервьюирование. Большой опыт применения этих методов привел его к пониманию того, что смыслы человеческой жизни формируются в социальных взаимодействиях с другими людьми в специфическом контексте. Смыслы и действия неотделимы от чувственно-эмоциональной составляющей опыта, который может быть изучен только через прямое погружение в реальную социальную среду.

Экзистенциальная социология Дж.Джонсона стала неотъемлемой частью общей исследовательской деятельности Калифорнийской школы, сохранив в себе программные положения Дж.Дугласа и вместе с тем наполнив их новым оригинальным содержанием. Несмотря на определенный недостаток понятийной строгости и теоретической системности Джонсону удалось раскрыть важные проблемы экзистенциально-социологического анализа современного общества и задать перспективы их последующего осмысления.

Источники

Джонсон Дж. Процесс преследования / Дж. Джонсон // Соціологічні дослідження. — Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2008. — № 7. — С. 153–176.

Джонсон Дж. Экзистенциальные аспекты доверия / Дж. Джонсон, А. Мельников // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2009. — № 1. — С. 78–93.

Джонсон Дж. История и общие методологические принципы калифорнийской социологии / Дж. Джонсон, А. Мельников // Соціологічні дослідження. — Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2013. — № 13. — С. 17–27.

Мельников А. Калифорнийская школа экзистенциальной социологии: общая характеристика деятельности / А. Мельников // Соціологічні дослідження. — Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2011. — № 11. — С. 89–101.

Altheide D. The Ethnographic Ethic / D. Altheide, J. Johnson // Studies in Symbolic Interaction. — 1993. — Vol. 14. — P. 95–107.

Altheide D. Reflections on Voice in Ethnography / D. Altheide, J. Johnson // Studies in Symbolic Interaction. — 1994a. — № 15 (1). — P. 71–82.

Altheide D. Criteria for Assessing Interpretive Validity in Qualitative Research / D. Altheide, J. Johnson // Handbook of Qualitative Research. — Newbury Park, CA : Sage, 1994b. — P. 485–499.

Altheide D. Reflections on Interpretive Adequacy in Qualitative Research / D. Altheide, J. Johnson // Handbook of Qualitative Research Methods / N. Denzin, Y. Lincoln, eds. — Thousand Oaks, CA : Sage, 2011. — P. 581–594.

Altheide D. Ethnography and Justice / D. Altheide, J. Johnson // Context and Method in Qualitative Research. — L. : Sage, 1997. — P. 172–184.

- Crime at the Top: Deviance in Business and the Professions / J. Johnson, J. Douglas, eds. — Philadelphia : Lippincott, 1978.
- Cuthbertson B.* Exquisite Emotional Sensitivity and Capture / B. Cuthbertson, J. Johnson // *Studies in Symbolic Interaction.* — 1992. — Vol. 13. — P. 155–166.
- Cuthbertson-Johnson B.* Emotional Generalizations / B. Cuthbertson-Johnson, J. Johnson // *Studies in Symbolic Interaction.* — 1995. — № 17 (1). — P. 163–184.
- Denzin N.* On Understanding Emotion / Denzin N. — San Francisco : Jossey-Bass, 1984.
- Denzin N.* Emotions as Lived Experiences / N. Denzin // *Symbolic Interaction.* — 1985. — Vol. 8 (2). — P. 223–240.
- Denzin N.* The Alcoholic Self / Denzin N. — Newbury Park, CA : Sage, 1987.
- Gans H.* The Participant Observer as a Human Being / H. Gans // *Institutions and the Person* / H. Becker, B. Geer, D. Riesman, R. Weiss, eds. — Chicago : Aldine, 1968. — P. 300–317.
- Gerber R.* Top Ten Death Penalty Myths / R. Gerber, J. Johnson. — Greenwich, CT : Praeger, 2007.
- Hochschild A.* The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling / Hochschild A. — Berkeley : University of California Press, 1983.
- Johnson J.* The Practical Uses of Rules / J. Johnson // *Theoretical Perspectives on Deviance* / R. Scott, J. Douglas, eds. — N.Y. : Basic Books, 1972. — P. 215–248.
- Johnson J.* Doing Field Research / Johnson J. — N.Y. : Free Press, 1975.
- Johnson J.* Behind the rational appearances: fusion of thinking and feeling in sociological research / J. Johnson // *Existential Sociology* / J. Johnson, J. Douglas, eds. — N.Y. : Cambridge University Press, 1977a. — P. 201–229.
- Johnson J.* Occasioned transcendence / J. Johnson // *Existential Sociology* / J. Johnson, J. Douglas, eds. — N.Y. : Cambridge University Press, 1977b. — P. 229–254.
- Johnson J.* Ethnomethodology and existential sociology / Johnson J. // *Existential Sociology* / J. Johnson, J. Douglas, eds. — N.Y. : Cambridge University Press, 1977. — P. 153–174.
- Johnson J.* Military Preparedness as Propaganda // *Bureaucratic Propaganda* / D. Altheide, J. Johnson. — Boston : Allyn and Bacon, 1980a. — P. 179–204.
- Johnson J.* Battle Efficiency Reports as Propaganda // *Bureaucratic Propaganda* / D. Altheide, J. Johnson. — Boston : Allyn and Bacon, 1980b. — P. 205–228.
- Johnson J.* In Dispraise of Justice / J. Johnson // *Symbolic Interaction.* — 1995. — Vol. 18 (2). — P. 191–205.
- Johnson J.* Advanced Qualitative Methods / J. Johnson // *ASA Qualitative Research Methods.* — Washington, D.C. : American Sociological Association, 2000. — P. 31–35.
- Johnson J.* In Depth Interviewing / J. Johnson // *Handbook of Interviewing Research.* — Thousand Oaks, CA : Sage, 2001. — P. 103–120.
- Johnson J.* Stalking process / J. Johnson // *Postmodern existential sociology* / J. Kotarba, J. Johnson, eds. — Walnut Creek, CA : AltaMira Press, 2002. — P. 183–200.
- Johnson J.* My Short and Happy Life as a Decorated War Hero / J. Johnson // *Studies in Symbolic Interaction.* — Bingley, UK : Emerald, 2008. — Vol. 30. — P. 325–334.
- Johnson J.* Lifelong Education and Democratic Culture / J. Johnson // *Соціологічні дослідження.* — Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2009. — № 8. — С. 218–222.
- Johnson J.* LeRoy and Me / J. Johnson // *Studies in Symbolic Interaction.* — Bingley, UK : Emerald, 2010. — Vol. 35. — P. 309–318.
- Johnson J.* This Really isn't About me: Reflections on an Intellectual and Activist Path / J. Johnson // *Studies in Symbolic Interaction.* — Bingley, UK : Emerald, 2012. — Vol. 38. — P. 175–196.
- Johnson J.* Myrton's Organ: Imagining the Meanings of Music and Ultimate Reality / J. Johnson // *Cultural Studies – Critical Methodologies.* — 2014a. — Vol. 14 (2). — P. 205–208.
- Johnson J.* Wilmer's Secret Box: Reflections on My Father's Life / J. Johnson // *Studies in Symbolic Interaction.* — Bingley, UK : Emerald, 2014b. — Vol. 42. — P. 109–116.

Johnson J. Reflections on Professional Ethics / J. Johnson, D. Altheide // *Walking the Tightrope: ethical issues for qualitative researches.* — Toronto : University of Toronto Press, 2002. — P. 59–69.

Johnson J. The Victimized Self: The Case of Battered Women / J. Johnson, K. Ferraro // *The Existential Self in Society* / J. Kotarba, A. Fontana, eds. — Chicago : The University of Chicago Press, 1984. — P. 119–130.

Johnson J. Existentialism and the Emergence, Growth, and Development of Existential Sociology / J. Johnson, A. Melnikov // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства ; вип. 19.* — X. : Вид-во ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2008. — С. 33–40.

Johnson J. The Wisdom of Distrust: Reflections on Ukrainian Society and Sociology / J. Johnson, A. Melnikov // *Studies in Symbolic Interaction.* — Bingley, UK : Emerald, 2009. — Vol. 33. — P. 9–18.

Melnikov A. Jack Douglas and the Existential Sociology Project / A. Melnikov, J. Kotarba // *The Interactionist Imagination: Meaning, Situation and Micro-Social Order* / Jacobson M., ed. — Copenhagen, Denmark : Hans Reitzel Publishers (forthcoming).

Melnikov A. Existential and Sociological Interpretations of the Concepts “Situation” and “Context” / A. Melnikov, J. Johnson // *The Present and Future of Symbolic Interaction* / D. Altheide, C. Nuti, A. Salvini, eds. — Livorni, Italy : Franco Angeli, 2012. — Vol. 2. — P. 15–28.

Official Deviance: Readings in Official Misfeasance, Malfeasance, and Other Forms of Corruption / J. Douglas, J. Johnson, eds. — Philadelphia : Lippincott, 1979.

Postmodern existential sociology / J. Kotarba, J. Johnson, eds. — Walnut Creek, CA : AltaMira Press, 2002.

Sartre J.-P. Emotions / Sartre J.-P. — N.Y. : Wisdom library, 1948.

Wax R. Doing Fieldwork / Wax R. — Chicago : The University of Chicago Press, 1972.

Whiteman G. Strong Emotions at Work / G. Whiteman, T. Muller, J. Johnson // *Qualitative Research in Organizations and Management.* — 2009. — Vol. 4 (1). — P. 46–61.

Wolff K. Surrender and Community Study / K. Wolff // *Reflections on Community Studies* / A. Vidich, J. Bensman, M. Stein, eds. — N.Y. : Wiley, 1964. — P. 233–264.